

*Soda
Press*

Sarah Suk

*Meet Me
at Blue Hour*

Сапа Сук

Встретилась
в
свист
час

*Перевела с английского
Мария Мельникова*

SODA PRESS
Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
С89

MEET ME AT BLUE HOUR
by Sarah Suk

This edition published by arrangement with
Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной
форме для частного или публичного использования возможны
только с разрешения правообладателя.

Сук, Сара.
C89 Встретимся в синий час [роман] / Сара Сук ; пер. с англ. М. Мельнико-
вой. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-233609-6

«Синий час... В это время небо любит себя сильнее всего. Смотри. Оно похоже на все на свете одновременно. День и ночь, свет и тьма, храбрость и робость. Ему не надо скрываться или быть чем-то одним. Оно может быть всем сразу».

Йена проводит лето в Пусане, работая в клинике Sori of Us, где стирают память и дают шанс начать жизнь заново. Но сама она чувствует себя потерянной: четыре года назад ее лучший друг Лукас исчез без объяснений, оставив после себя пустоту.

Лукас тоже в Пусане этим летом. Он приехал навестить дедушку, которому недавно поставили диагноз — болезнь Альцгеймера. Но это не просто визит — Лукас решительно настроен записать дедушку в новое исследование Sori, экспериментальную программу, где впервые пробуют не стирать, а восстанавливать память.

Именно здесь, у дверей клиники, Йена неожиданно сталкивается с бывшим другом. Но Лукас смотрит на нее как на незнакомку: он не помнит о ней ничего. Сближаясь вновь, Йена и Лукас шаг за шагом распутывают тайну и боль, оставшиеся в прошлом.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Text copyright © Sarah Suk, 2025
Cover design copyright © Lewisite, 2026
© Мария Мельникова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press

ISBN 978-5-04-233609-6

Кван Чэ Ли, посвящается тебе.

*Вот по каким звукам я тебя помню: музыка из караоке,
шум мотора грузовика, твой голос, рассказывающий
твои любимые исторические байки*

1

Йена

Вот такие звуки здесь применили для забвения: свистки паровоза, шорох чемодана на колесиках, который везут по гравии, стук дождевых капель о раскрытый зонтик. Мне это казалось ужасно романтичным, такие звуки можно слушать бесконечно — чем я и занималась. Из всех кассет эта пока что оставалась моей любимой. Но для Пациента 1562 это было больше чем звуки на пленке. Это были воспоминания, которые он хотел стереть.

— Интересно, о чем это?

Я вытаскиваю наушники, пристраиваю провод на шее и прислоняюсь спиной к стене — я сижу на полу в окружении картонных коробок, полных кассет. Даниэль Флорес, мой супервайзер, высовывается из-за кучи коробок — на самом ее верху в небезопасном положении примостился ноутбук.

— Ты о чем? — спрашивает Даниэль. Темная кудрявая прядь упала ей на лоб. Даниэль сдувает ее с глаз.

— О Пациенте 1562. — Я открываю плеер, висящий на поясе моих джинсовых шорт, вынимаю кассету, с мечтательным вздохом укладываю ее обратно в пластиковую

коробочку. — Интересно, что за воспоминание он стер. Звучало так красиво, но наверняка это было что-то грустное, раз он захотел забыть.

Даниэль прижимает пальцы к вискам и медленно, глубоко выдыхает.

— Йена, ты хочешь сказать, что все это время ты слушала кассеты вместо того, чтобы, на секундочку, заниматься своей работой?

— М-м-м... Нет. В смысле, не *все* время.

Меня всего неделю назад приняли в клинику Sori of Us, или, если короче, просто клинику Sori, на должность ассистента архивариуса — звучит круто, но про саму работу этого никак не скажешь, и мой супервайзер от меня не то чтобы в восторге. Не могу сказать, что у меня совсем нет задатков для получения звания работника месяца и все такое, но откуда взять мотивацию на архивацию тысяч кассет, если можно вместо этого просто сидеть и их слушать?

Даниэль не успевает обрушить на меня свою неуклонно растущую — и вызывающую у нее мигрень — ярость. В дверь негромко стучат, и на пороге появляется доктор Мира Пэ с коробкой из Dunkin' Donuts. Я поспешно вскакиваю, отцепляю от пояса плеер, прячу его за спину, а наушники стискиваю в кулаке. Доктор Пэ улыбается нам, а потом замечает выражение лица Даниэль.

— Просто хотела проверить, как у вас тут дела, — говорит она жизнерадостно, но при этом бросает на меня весьма колючий взгляд.

— Здравсьте, доктор Пэ. У нас все отлично, — отвечает Даниэль. Благослови ее Господь. Она, конечно, задвинута на правилах, но не стукачка. — Это пончики?

Даниэль торопливо принимает коробку двумя руками. Доктор Мира Пэ, основательница клиники и одна из

ведущих исследовательниц в области стирания памяти, пользуется абсолютно заслуженным уважением у всех в Sori и за ее пределами. Она гений, босс, первопроходец, и я больше ни у кого не видела такого идеального маникюра.

— Даниэль, надеюсь, моя дочь не слишком тебя напрягает, — говорит она.

Ах да. Еще она моя мама.

Даниэль со смехом отмахивается:

— Нет-нет, что вы. Она отлично справляется.

— Просто замечательно, — добавляю я. — В Воспоминании все прекрасно, как всегда.

Брови доктора Пэ взлетают вверх, и я быстро поправляюсь:

— То есть в Архиве. В Архиве все прекрасно, как всегда.

Я называю это помещение по-разному. Официально оно именуется Аудиоархивом, но для меня это Библиотека звуков, Обитель забытого и — мое любимое — Воспоминаний, комбинация слов «воспоминания» и «колумбарий», место, где стертая память обретает последний приют. Раньше Воспоминаний представлял собой битком набитую кладовку с хлипкими полками при клинике — и впечатляющее собрание картонных коробок, доверху набитых кассетами, в маминой пусанской квартире. Они стояли под боком у холодильника, заполняли гостевую спальню, служили подставкой под телевизор и кофейным столиком в гостиной. Даже сейчас дома я иногда натыкаюсь на кассеты — утраченные воспоминания, забившиеся между диванных подушек или за тостер.

Но по мере того как росла репутация Sori, росла и ее площадь. В этом году у клиники наконец-то появилось новенькое помещение для хранения пленок, новенькие

стеллажи и новенькая вакансия для человека, который будет за все это отвечать, — архивариуса. А также вакансия ассистента архивариуса.

Архивариуса на неполный рабочий день нашли быстро, а должность ассистента учредили специально для меня, потому что доктор Пэ ни за что на свете не могла позволить своей единственной дочери окончить школу, не имея ни планов на колледж, ни четкой картины будущего. Если у меня нет плана, значит, мама составит его для меня и заставит выполнять — поэтому, получив школьный диплом, я была вынуждена собрать вещи и прилететь из Ванкувера в Пусан, чтобы все лето трудиться в клинике.

— Не считите за наглость, но нам действительно нужен второй человек? — спросила Даниэль, когда я только приступила к работе. — Я могу заниматься Архивом и одна.

— Я в этом не сомневаюсь, Даниэль, но только подумай, насколько быстрее все будет с ассистентом, — сказала доктор Пэ. — К тому же я надеюсь, ты благотворно повлияешь на мою дочь. Йена, ты знала, что Даниэль — писательница? И она приехала сюда из Америки — будет год учиться в Национальном университете Пусана! Я на последнем курсе точно так же поехала по обмену за рубеж. Разве не замечательно? Может быть, однажды и тебе так захочется?

Деликатность однозначно не входит в число достоинств доктора Пэ.

Сейчас я смотрю, как они жизнерадостно болтают. По тому, как мама косится на меня, как она повышает голос, спрашивая Даниэль об учебе, я понимаю: она желает, чтобы я прислушалась, заинтересовалась, захотела все то,

что есть у Даниэль, — предмет для изучения, энергию для достижения цели. Чтобы я захотела хоть чего-нибудь. Неважно чего.

Вместо этого я смотрю в потолок и представляю себе, как тянут свою песню поезда в дождливый день. На мгновение я вырываюсь из комнаты, полной пустых полок и картонных коробок. Я попадаю в чью-то жизнь, воображаю себе то, чего Пациент 1562 уже не вспомнит.

— Ну что ж, продолжай в том же духе, Даниэль, — говорит доктор Пэ, когда беседа начинает затухать. — Придешь сегодня на корпоративный ужин?

Даниэль качает головой:

— К сожалению, нет. Нужно писать большую курсовую.

Доктор Пэ понимающе кивает:

— Я и сама не смогу прийти. Надо много всего подготовить к предстоящему исследованию. Йена, а как насчет тебя?

Я удивленно моргаю, пытаюсь понять, что пропустила.

— Извини, что?

— Ежемесячный корпоративный ужин, который устраивает Джоанн. Ты пойдешь?

— Ах, это. Нет.

Я даже не утруждаюсь подыскать объяснение. Что мне сказать? Никаких других планов и другой работы у меня нет. Я просто не люблю корпоративные ужины, да и нико-го в клинике не знаю.

— Хорошо, — после короткой неловкой паузы говорит доктор Пэ. — Увидимся вечером дома, Йена. Меня не жди. Я задержусь в офисе.

Чтобы посчитать, сколько раз с тех пор, как я приехала в Пусан, мы ели вместе, мне бы даже не пришлось

загибать все пять пальцев на руке. Я уже поняла, что приходиться на работу рано и уходить с работы поздно — мамин естественный распорядок дня.

— Будет исполнено, доктор Пэ. — Одной рукой я салютую маме, а в другой продолжаю держать за спиной плеер.

Она уходит, а Даниэль открывает коробку с пончиками и протягивает мне.

— Похоже, твоя мама так и не оставила затею с университетом, — говорит она.

— Даже ты заметила? — Я беру пончик в форме медвежьей мордочки и мрачно смотрю ему в глаза. — Господи, как у нее развились навыки общения.

— Чисто ради любопытства, а чем ты *хочешь* заняться? — спрашивает Даниэль. — Потому что очевидно: работать здесь ты не хочешь.

— Я еще молодая. Ты знала, чем хочешь заняться, когда тебе было семнадцать?

— Да. Я хотела писать.

— Ладно, ты плохой пример для иллюстрации моей мысли. — Я пожимаю плечами. — Я пока не знаю. И может быть, не узнаю никогда. К тому же какая разница? Ничто не длится вечно. То, что сегодня у меня есть некая мечта, вовсе не значит, что она будет хоть чего-то стоить завтра, поэтому какой смысл строить планы?

Даниэль склоняет голову набок:

— Интересно.

— Что?

— Ничего. Просто это полная противоположность жизненной философии твоей мамы, — говорит она. — Я в жизни не встречала столь страстно преданного своему делу человека. Есть некоторая ирония в том, что ее дочь пошла совершенно иным путем.

Она говорит это непринужденным тоном, словно просто констатирует факт, но что-то в ее выборе слов задевает меня.

Я отгоняю неприятное чувство и запихиваю в рот пончик-мишку. Отряхиваю руки, глотаю, широко улыбаюсь Даниэль:

- Продолжим разбирать пленки?
- Продолжим? — Даниэль строго смотрит на меня.
- Я могу прилежно трудиться, когда хочу.

И я прилежно тружусь до конца смены. Помогаю Даниэль сортировать пленки по номерам пациентов и году стирания, выбраковываю те, которым — если свериться с базой данных на ноутбуке Даниэль — больше десяти лет. Но, даже работая, разбирая коробку за коробкой, я не могу перестать думать о том, что она сказала.

Полная противоположность страстной преданности. Это напрягает меня больше, чем хотелось бы. Неужели я и вправду такая?

Странно. Раньше я такой не была.

Все начинается со звука.

Это официальный девиз клиники Sori, он стоит в заголовке на главной странице сайта, его печатают на визитных карточках. Sori по-корейски значит «звук», и это слово намекает на сам процесс стирания памяти. Чтобы что-то забыть, пациент должен предоставить набор звуков, связанных с воспоминанием, от которого хочет избавиться. Это могут быть голосовые сообщения, песни, фоновые шумы, что угодно. Чем конкретнее они привязаны к воспоминанию, тем лучше, но подойдут и звуки общего характера, способные запустить достаточно ассоциаций. Процесс, по сути, начинается не когда пациент садится в процедурное кресло, а с собирания звуков.

Здесь также есть намеки на новые начинания, которые обеспечивает стирание памяти, — для клиники это главное. Новая жизнь и исцеление.

Понимаю, это может стать серьезным искушением.

Июльская вечерняя жара ложится на кожу липкой испариной, я иду вдоль пляжа Хэундэ, в одной руке — телефон, на другой болтаются сандалии. Я нажимаю на «вызов», смотрю на экран — секунду спустя там появляется знакомое папино бородатое лицо.

— Привет, Йена Пэ! Как дела? — говорит он.

На заднем плане — полки в гостиной нашей ванкуверской квартиры, до отказа забитые растениями в горшках и книгами по садоводству. Даже по фэйстайму я вижу, что растения, как обычно, лучатся здоровьем — папа, прирожденный садовник, заботится о них, как о родных детях, хотя проседающим полкам тоже не помешал бы уход. А еще я замечаю на спинке дивана незнакомый женский кардиган. О нем я не спрашиваю.

— Или лучше спросить — где ты? — продолжает папа. — Явно в каком-то красивом месте.

— Привет, папа. Я на Хэундэ. — Я убираю голову из кадра, чтобы показать папе океан за моей спиной, снимаю панораму людного пляжа, чтобы он увидел всех, кто гуляет по песку, делает селфи и сидит под зонтиками. Сегодня тут не протолкнуться, но мне плевать. — Люблю иногда сюда приходить после работы.

— Jokeda*, — мечтательно произносит папа. — Знаешь, что это значит?

* Здесь: мне бы так (кор.).

— Я тебя умоляю, это совсем просто. Ты мне дико завидуешь, верно? — Я хитро усмехаюсь.

— Ух ты, похоже, корейский у тебя здесь здорово улучшился. — Папа, кажется, впечатлен.

В детстве оба родителя говорили со мной по-английски, так что мой уровень корейского находится где-то между «начальным» и «еле-еле» — не помогла даже корейская школа по субботам, куда я недолго ходила. В Sorì это не проблема, здесь все общаются на двух языках (а мы с Даниэль общаемся исключительно на английском, при том что корейским она владеет явно гораздо лучше меня), но для жизни за пределами клиники мне, наверное, не помешает подтянуть свои познания.

— Ну так как дела? — снова спрашивает папа. Он пытается говорить непринужденно, но по тому, как он чуть наклоняется вперед, по тому, как сдвигаются его брови, я понимаю: он догадывается, что что-то не так. Он в этом мастер. Впрочем, думаю, его должен был насторожить сам тот факт, что я ему позвонила. С тех пор как я уехала в Корею, мы мало разговаривали, обходились техническими сообщениями вроде «жива-здорова, домой добралась». — У тебя все хорошо?

— Пап, я безответственная? — спрашиваю я.

Он оторопело моргает и на мгновение застывает перед экраном.

— Пап?

— Извини, я на связи. Просто не понимаю, что ты имела в виду.

— Да ничего, ерунда. Просто тут мне супервайзер сказала... Ну, конкретно она сказала, что я — полная противоположность преданности делу, а это, по сути, означает, что